

УДК 811.161.1'282.4'373:008(477.74)

А. И. ШВЕЦ

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ (на материале русских говоров Одесской области)

В статье анализируются результаты моделирования диалектной глагольной лексики, функционирующей в русских переселенческих говорах Одесской области. Обнаружено, что дифференциальные признаки конфессиональности, обрядовой специфики, ценности социальной ситуации выступают ее важными структурными элементами, обнаруживая ключевые понятия традиционной духовной культуры русских переселенцев.

Ключевые слова: переселенческие идиомы, диалектная глагольная лексика, вербализация понятийного пространства, структурная организация, лексико-семантическая парадигма, моделирование локальной культуры.

Все области наук, связанные с изучением истории и современного состояния материальной и духовной культуры этноса, в значительной степени опираются на данные диалектной лексики. Этот пласт национального языка является богатейшей эмпирической базой и ценным источником этнокультурной информации, обладает большой прогнозирующей силой в плане глотто- и этногенеза. Разновекторное изучение его открывает широкие перспективы в решении проблемы взаимодействия языка и традиционной духовной культуры. В современной русистике особенно ярко об этом свидетельствуют исследования антропоцентрической направленности Е. Л. Березович, Т. И. Вендиной, Е. А. Нефёдовой, С. Е. Никитиной, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, ориентированные на изучение диалектного языка в широком контексте народной культуры.

В рамках антропологического изучения диалектной картины мира актуальным по-прежнему остаётся понятие семантического поля, а также соответствующее традиционное обращение к различным лексико-семантическим группировкам как «полигону» для проведения исследований и отработки приемов анализа. И всё же, несмотря на разноаспектность современных диалектологических студий, на наличие апробированных методик анализа материалов говоров, состояние изучения разных ТГЛ, ЛСГ как русских, так и других славянских диалектов остаётся неодинаковым и в целом далеко не удовлетворительным. В частности, в русистике недостаточно полно описана глагольная лексика говоров. Это самая конструктивная и культурно информативная подсистема диалектов. Образует лауну эта область и в исследовании русских переселенческих говоров Одесской области — изолированных идиомов, развитие которых после переселения продолжалось независимо от процессов в метрополии.

В настоящей работе мы обратимся к анализу глагольной лексики говоров и её функциональных альтернатив, номинирующих некоторые ключевые понятия традиционной духовной культуры русских переселенцев южного региона Одесской области. Подобное описание лексики выступает одновременно и одним из способов ее моделирования. Определение мотивационных моделей в рамках семантического поля, средств и способов номинации, характера внутренней формы лексических единиц позволяет конструировать модель представлений, социально-типичных позиций, отношений, оценок диалектоносителей — представителей исследуемых социокультурных локусов. Исследование проводилось с учётом структурной организации, семантики глагольной лексики в условиях бытования её в разных частных диалектных системах (ЧДС): в говорах, носители которых исповедуют каноническое православие, и в говорах, носителями которых являются староверы.

В работе в качестве концептуального параметра использовалась лексико-семантическая парадигма (ЛСП), которую мы понимаем вслед за Сентенберг как «целостное, незакрытое и способное к развитию множество слов или их лексико-семантических вариантов, объединённых вокруг доминанты общностью лексического значения, упорядоченных отношением семантической производности и служащих целям дифференцированной номинации» [1: 61]. ЛСП глагольной лексики как микрополе явилось базой для сравнения на единой основе фрагментов лексико-семантических систем исследуемых идиомов, для установления отношений между ними, а также для их дальнейшего моделирования. В ходе изучения анализу подвергались ЛСП различной структуры, представляющие собой подмножества слов, относящиеся к предконечным или конечным ветвям лексического древа глагола. Такие лексико-семантические объединения наименее абстрактны, конструктивны и культурно информативны. Их компоненты, обладая определенной семантической общностью, представляют разнообразные «кусочки действительности». Такие подмножества слов Н. Ю. Шведова назвала «картинками жизни». Предконечные множества, от-

ражающие одну языковую «картинку жизни», но принадлежащие разным частным диалектным системам, раскрывают вариативный характер представлений в лексике того или иного отрезка смыслового континуума, репрезентируют вариативность общей диалектной картины мира как одной из её составляющих, отражаемой национальным языком.

Систематизация и экспликация репертуара глагольной лексики осуществлялась через идеографическую классификацию с соответствующей операцией конфронтации диалектного материала микросистем опорных говоров. Это позволило воспроизвести структурные и семантические особенности каждой номинативной единицы, ее географию и послужило основой для построения структурно организованных сема-ономасиологических микросистем-моделей. Обращение к семантическим сеткам-моделям с дистрибуцией лексем, тщательное сопоставление наборов номинативных единиц, принадлежащих выделенным субсегментам в разных ЧДС, выявило стабильные, вариативные и индивидуальные звенья номинации, зоны особых лексических сгущений, количественные пропорции соотносительных номинационных отрезков.

В нашей работе большое внимание уделено зонам особых лексических сгущений и зонам индивидуальных звеньев номинации.

Зоны особых лексических сгущений выделяют центральные понятия в системе ценностей исследуемых этносоциумов. Это лексика, которой свойственна яркая маркированность, поликомпонентность, частотность употребления и полихрония, вскрываемая через спектр мотивологических признаков номинаций. Ее исследование позволяет выявить имплицитную культурно-значимую информацию, механизмы её кодирования и трансляции, то есть увидеть то, как культура в условиях бесписьменного общества использовала в поисках оптимальных способов хранения и передачи информации семантическую структуру слова, его парадигматические связи.

Обратимся к анализу в рамках ЛСП.

Лексико-семантическая парадигма конгломеративного типа «Иметь (какой-либо) внешний вид» структурирована парадигматическими подмножествами, интегрированными ДП 'рост', 'тело', 'лицо', 'волосы', 'покровы тела', 'ноги', единицы которых обозначают различные процессы становления (приобретения) какого-либо признака внешности.

В структуре данного семантического поля ярко выделяется поликомпонентное звено соотносительных номенов, связанных градационно и актуализирующих сему 'рост': *на'вырас'т'и*, *ураст'ат* 'вырасти, стать (становиться) выше', *'выжаха'ца* 'вырасти, стать выше', *'выбухат'*, *'выбуха'ца*, *пада'йт'и* 'стать (становиться) выше и старше', *'бол'ет'*, *на'бол'ет'*, *у'бол'иват'* 'стать (становиться) больше (выше) и старше', *'выдур'и'ца*, *'вылуп'и'ца* 'чрезмерно вырасти, стать очень высоким и глупым' // *ун'и'жа'ца* 'становиться ниже (о пожилых)', *скра'ишы'ца* 'стать ниже, ссохнуть от старости' // *топат'*, *тол'ка тапач'ка ста'ват'* 'быть совсем маленьким, незрелым (о ребенке)'. Как видно, основными способами глагольной номинации выступают морфологическая и семантическая деривация. Морфологическая деривация часто осуществляется по модели *вы...ть(ся)*, где префикс привносит в глаголы значение интенсивного движения изнутри наружу и уже этим определяет ход формирования образа внутренней формы (ср. образ разбухающей почки, проклеивания из яйца). Основной путь формирования глагольной семантики в исследуемом семантическом звене — это метафоризация. Представляет интерес лексико-семантическая разработанность закрепления в семантической структуре описываемых глаголов экспрессивно-эмоциональной оценки изменений размеров человеческого тела по критериям «выше» и «ниже» (при этом норма не актуализируется), «должное» и «недолжное».

Дистрибуция лексем на сема-ономасиологических сетках выделенного семантического фрагмента обнаруживает характерную зависимость сем 'рост' и 'возраст', а в отдельных случаях и имплицитную связь с семой 'сила' (ср. *скра'ишы'ца* буквально 'потерять силу сцепления в некоей целостности, легко разъединиться на мелкие составляющие' или *ун'и'жа'ца* буквально 'терять в вертикальной величине из-за потери стержня — поддерживающей жизненной силы'; *топат'*, *тол'ка тапач'ка ста'ват'* 'ещё не иметь жизненной силы для уверенной ходьбы'). Мы, в свою очередь, отмечаем, что в глагольной лексике диалектоносителей исследуемых ЧДС закреплены устоявшиеся представления о росте как внешней визуальной характеристике жизненных вех человека (детство — юность) — молодость — старость). Такой стереотип восходит к архаическому прошлому, когда возраст определялся только как известный уровень роста или силы.

Характерно, что обнаруженная семантическая связь сохраняется (то есть живёт на уровне подсознания) и в структуре инновационных глагольных номинаций, производных более позднего времени, вероятно, после переселения (СРНГ не фиксирует использование глаголов *пада'йт'и*, *'вылуп'и'ца* с отмеченной нами семантикой на территории метрополии). В то же время, как показывает анализ, категория роста в семантической структуре глагола выступает не только маркером возрастного состояния человека, но и его интеллектуальной характеристикой. Обнаруживается это при рассмотрении особенностей вербализации ситуации 'пресечение «идеальной» границы роста не по возрасту, при несоответствии интеллектуальному развитию'. Закономерно,

что такие номены как *выдур'ицца*, *вылун'ицца* 'чрезмерно вырасти, стать очень высоким и глупым' содержат негативную оценку. Их культурная коннотация 'чрезмерно высокий рост, не соответствующий возрасту, — признак ущербности внутреннего мира человека, признак нехватки ума' ярко обнаруживается при анализе парадигматических связей (ср. с нейтральным глаголом *ун'ижацца* 'становиться ниже (о пожилых)', в семантике которого логически упорядочены соответствия возраста и роста).

Добавим, что лексические материалы других ЛСП дают дополнительную информацию, необходимую для понимания представлений носителей традиционной культуры, связанных с сущностью возраста. Возраст как жизненная категория долгое время не связывается чётко с годами жизни. Сказанное обнаруживается и при опросе информантов. Это подтверждается и такими частотными языковыми конструкциями как *Ја нашола'а, кагда в'иши'а цв'и'ла. Јаво наш'ли, кагда жн'и'ва бы'ли'и*.

Зоны лексических сгущений отмечены в структуре лексико-семантических парадигм глаголов биологического существования. Так, ситуация 'появление новой жизни' вербализована посредством единиц, изображающих её с разных позиций, — субъекта действия и объекта действия, которые являются её сущностными конкретизаторами: *на'род'ит'*, *панара'д'ит'*, *пр'ин'ис'ит'и*, *абра'д'ицца*, *пр'ив'ис'ит'и*, *апра'стацца*, *и'м'ет'*, *панада'ват'*, *анус'ит'ет'*, *апараж'н'ицца*, *Бог дал (даст)* (о роженице); *с'пол'а прын'ис'ит'и*, *пат ск'ир'дој нај'ит'и*, *ула'в'ит'*, *ула'в'ит'* в *оз'иры*, *ку'н'ит'*, *быт'* за'казанным, *ф'ка'пус'ит'и нај'ит'и*, *пус'ит'ит'* на *св'ет*, *пака'зат' св'ет*. Перед нами знаки субститутивного характера — эвфемизмы (в их роли выступают метафоризированные общеупотребительные глаголы). Производство их обусловлено различной мотивировкой. В одних случаях используется образ 'освобождение от ноши, груза, бремени', в других — религиозный мотив, но наиболее продуктивными выявились архаические мотивы «найденный ребёнок», «ребёнок — дитя растений», появление которых обусловлено табуированием ситуаций появления новой жизни.

Устойчивое использование архаического мотива найденного ребёнка в акте вербализации семантического пространства «Появление жизни» позволяет говорить о том, что перед нами не просто ряд значений, а внутренне организованная семантическая сфера со своей прагматикой. Анализ сема-ономастиологических сеток показал, что глагольная лексика, производная в контексте описанной языковой модели с идеей 'находки, приобретения', комплементарно дополняется глагольными знаками, обозначающими полярную ситуацию — 'прекращение жизни' и использующими мотив 'потери': *С'т'и'р'ала ја на вајн'и тр'ох сын'оч'ка ф* (о погибших на войне). *С'т'и'р'ала дош'еи'ка д'и'т'онка* (о смерти младенца при выкидыше) (Ср. общеупотребительные выражения *потерять близких*, *понести потери в войне*, *понести тяжёлую утрату*).

Смысловую цепочку в номинациях с использованием мотива найденного ребенка дополняют единицы, указывающие на обряд расставания с умершим. Это представляющие семеме 'хоронить' метафорические глаголы-эвфемизмы *п'р'атат'* и *ха'ват'*, имеющий широкий ареал распространения в русских говорах, поддерживаемый украинским языком и его говорами. Указанные факты позволяют говорить о сложной языковой метафоре, уходящей в древние мифопоэтические представления о зеркальности прихода человека на этот свет и уходе из него.

Сложность метафорического переноса обуславливает структуру и иных лексико-семантических переходов: найти > потерять; приобрести > потерять; приобретать > прятать. Вероятно, можно говорить и о модели дать > забрать (ср.: глагол *панада'ват'* 'родить много детей' и зафиксированный в говорах старообрядцев глагол *пазаб'рат'* 'лишить жизни'). Появление указанных антонимичных глагольных метафор обусловлено системно, так как именно этот тип отношений является конституирующим для семантических множеств, называющих полярные ситуации 'появление жизни' и 'прекращение жизни'. В наивной картине мира диалектоносителей прекращение жизни — смерть — не является концом бытия, поскольку в смерти заключена жизнь, и она понимается как инверсия жизни. Поэтому вполне логично появление повторных когнитивных импульсов, закономерно повторение (или развитие) мотивов номинации, соответственно и конфигураций звеньев семантической структуры в ЛСГ «Прекращение жизни».

Анализ индивидуальных номинативных звеньев показал, что ДП 'конфессиональная принадлежность', 'обрядовая специфика', 'ценностная характеристика социальной ситуации' могут выступать важными элементами глагольной семантики, транслирующими культурную информацию, влияющими на формирование конфигурации структуры микросистем диалектной глагольной лексики и собственно культурной системы.

Ярко демонстрируют сказанное номены разной структуры, формирующие индивидуальные звенья инвариантной модели, например, в ЛСП партитивов «Вступать в брак». В исследуемых селах зафиксированы универбы *м'и'шацца* и *пам'и'шацца*, представляющие пример соотносительной локальной вербализации одной и той же ситуации 'вступать в брак' с использованием единой словообразовательной модели, но с разной оценочной актуализацией включённого актанта объекта действия (он дифференцируется по признаку 'конфессиональность' // 'нацио-

нальність»). Так, для діалектоносителей-нестарообрядцев актуальною оказалась семема 'вступать/вступить в брак с представителем иной национальности', а для староверов — семема 'вступать в брак с иноверцем'. Культурные семы сигналізують о завжди актуальній, а потому і оціночній, для руських переселенців дихотомії «свій» — «чужой», зв'язаній со структуралізацією свого культурного простору.

Представляє інтерес семантичне варіювання в просторі описальної одиниці *пак'рыт' мала'дују* 'во время свадебного обряда покрыть платком голову брачующейся'. Оно обусловлено отличием в реалістичному плані. Обряд покрытия девушки-невесты женским головным убором во время совершения церковного таинства (на паперти церкви перед началом венчания) сохраняется и сейчас, но только в селах старообрядцев. В то же время обозначение *пак'рыт' мала'дују* фігурує в розказах пожилых информанток-нестароверок, но как составляющая народного обряда, а не церковного. Суть самого обрядового действия во всех населенных пунктах руських переселенцев одна — закріпіть візуально изменение социального статуса вступающей в брак девушки. Различия же в использовании номинативной единицы обусловлены преобладанием в старообрядческих селах церковной традиции, подчинившей себе народную. У діалектоносителей, исповедующих каноническое православие, санкціонує початок обряду было продиктовано народною традицією, которая со временем под влиянием городской культуры утратилась.

Особенности народного воззрения на бытовые и жизненные процессы актуалізуються і при анализе других глагольных ЛСП.

ЛСП «Быть здоровым». Так, в говорах старообрядческих сёл наряду с базовым общепотребительным репрезентантом понятия 'иметь здоровье' отмечены индивидуальные аналитические номены, актуалізують ДП різної степені і якості проявлення здоров'я: *пай'т'и у хот* 'начать выздоравливать', *быт' пр'и 'с'ил'и* і *хад'ит' пр'и 'с'иб'е* 'быть здоровым, иметь силы обслужить себя'. Их семантика обнаруживает ценностные для діалектоносителей характеристики здоровья. В ЧДС староверов зафіксована соотнесительная единица *пай'т'и на л'ек* 'начать поправляться после таинства соборования', противопоставленная описанной цепочке по признаку 'после совершения церковного таинства'.

За счёт индивидуальных звеньев разветвляется структура ЛСП «Быть здоровым» в сегменте 'способствовать выздоровлению', что обусловлено локальной вербалізацією різних способів магічного і немагічного ліцебного впливу, причём как у старообрядцев, так и староверов. Например: *выл'иват' на јажы'в'ику п'ир'ипуг* 'выливать в сосуд с водой над головой болящего расплавленную смолу дерева, произнося заклинательные слова', *са'жат' в тр'ибу'ху* 'лечить детский рахит, помещая ребенка в коровий желудок и произнося заговоры от болезни', *вы'катыват'* 'лечить выкатыванием в полевой траве'.

Следующий ряд примеров демонстрирует усложнение конфигурации инвариантной модели, вызванное отличиями в реалістичному плані. Так, старообрядцы используют номен *св'иват' мла'д'енца* с семантикой 'заворачивать новорожденного в пеленки', а староверы — в значении 'свивать новорожденного свивальником вокруг по пеленкам крестообразно трижды'. По ДП орудийности соотносятся обозначения *ад'ет' на тот св'ет, абр'ад'ит' (пак'ојнава)* 'одеть покойного в подготовленную на смерть одежду (преимущественно новую)' в ЧДС старообрядцев и *ад'ет' саб'рат' на тот св'ет, саб'рат' (пак'ојн'ика)* 'одеть умершего в специально подготовленную для него по старообрядческому чину одежду' в ЧДС староверов. Признак 'конфессиональности' усложняет структуру ЛСП «Покрыть кого-(что-) либо одеждой» в звене 'покрыть головным убором'. В одной из старообрядческих ЧДС лексема *пак'рыт'* 'надеть платок для посещения богослужения, закрыв два его конца высоко на груди булавкой' внутрисистемно и межсистемно противопоставлена глаголам с семантикой 'надевать (надеть) платок, обвязав его концы вокруг шеи': *пав'азываюца, пав'изаюца, пак'рыюца, пак'рыт', пак'рыт', пак'рыюца, запака'ваюца, выв'азываюца, зап'инаюца* с семантикой 'надевать (надеть) платок, обвязав его концы вокруг шеи'. Информантки объясняли, что *пав'азываюца* женщины для работы в доме или на огороде, а если идут в церковь, то нужно *пак'рыть платок* (обнаруживается характерная синтагматика).

Анализ глагольной лексики говоров и её функциональных альтернатив, номинирующих некоторые ключевые понятия традиционной духовной культуры руських переселенцев южного региона Одесской области, показал, что культурные коннотации как компонент закріпленого в культурі значення языкового знака являются значимым фактором формирования языка как части культуры. Эти важные конструктивные составляющие глагольной семантики транслируют культурную информацию, влияют на формирование структуры микросистем диалектной глагольной лексики, а соответственно и на конфигурацию исследуемых локальных культурных систем.

1. Сентерберг И. В. Лексическая семантика английского глагола: Учеб. пособие к спецкурсу. — М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984. — 96 с.

А. І. Швець

**ТРАДИЦІЙНА НАРОДНА КУЛЬТУРА ТА ЇЇ ВІДБИТТЯ В ДІАЛЕКТНІЙ ЛЕКСИЦІ
(на матеріалі російських говірок Одеської області)**

У статті аналізуються результати моделювання діалектної дієслівної лексики, що належить російським переселенським говіркам Одеської області. Виявлено, що важливим структурним елементом дієслівної лексики і її функціональних альтернатив, що номінують деякі ключові поняття традиційної духовної культури російських переселенців, виступають диференційні ознаки конфесіональності, обрядової специфіки, цінності соціальної ситуації. З'ясовано засоби і способи, закономірності вербальної маркації центральних понять у досліджуваних локальних культурах.

Ключові слова: переселенські ідіоми, діалектна дієслівна лексика, вербалізація понятійного простору, структурна організація, лексико-семантична парадигма, моделювання локальної культури.

A. I. Shvets

**TRADITIONAL FOLK CULTURE AND ITS REFLECTION IN A DIALECT LEXICON
(on material of the Russian dialects of Odessa region)**

The article deals with the results of dialectal verbal lexicon in Russian migrant dialects of Odessa region. The author has found out that the most important structural elements of spiritual culture include traditional ceremonies, confession-ism, values of social situations, etc.

Key words: migrant idioms, dialectal verbal lexicon, verbalization of concept space, structural organization, lexico-semantic paradigm, design of local culture.

УДК 811.163.2'282.4(477.7)«18+19+20»

С. І. ГЕОРГІЄВА

**ЕТАПИ ДОСЛІДЖЕННЯ БОЛГАРСЬКИХ ПЕРЕСЕЛЕНСЬКИХ
ГОВІРОК В УКРАЇНІ: ДИНАМІКА В ЧАСІ ТА СУЧАСНИЙ СТАН**

У статті розглянуто етапи дослідження болгарських переселенських говірок в Україні з ХІХ по ХХІ ст. Болгарські переселенські говірки упродовж тривалого часу залишаються предметом уважного вивчення в описативному, лінгвогеографічному, зіставному, генетичному, етнолінгвістичному та соціолінгвістичному аспектах.

Ключові слова: болгарська мова, болгарська діалектологія, болгарські переселенські говірки.

У першій чверті ХІХ ст., коли закладалося лише підґрунтя болгарської літературної мови й активні процеси її формування були ще попереду, відбулося переселення частини болгар, які жили за Дунаєм, у південні райони нашої країни. З того часу починається новий, незалежний шлях розвитку переселенських говірок основного мовного масиву. Паралельні еволюційні процеси в обох мовних системах не могли бути тотожними протягом тривалого часу, хоча й дотепер у багатьох випадках діють однакові тенденції. Необхідність трансформувати деякі елементи свого побуту, традиційні способи ведення господарства, обробки землі, догляду за тваринами залежно від нового середовища, безпосередні контакти з представниками інших народностей, запозичення їхнього досвіду — все це викликало активізацію мовних процесів у децю іншому напрямі, ніж у метрополії [10, с. 37—38].

Факт збереження етномовної цілісності болгарами-переселенцями, як справедливо зазначає П. Ю. Гриценко, є цінним як об'єкт досліджень саме завдяки своїй унікальності, несхожості з долею інших етномовних анклавів на теренах України, передусім сербів, поляків, чехів, вірмен, росіян. За винятком росіян, які постійно мали умови для безперешкодного розвитку своєї мови і культури та державний захист національних інтересів, інші анклави, їхні мови такого захисту не мали, що позначилося на долі цих етнічних груп на території України [8, с. 45].

Інтеграція з іншими болгарськими говірками — міждіалектна взаємодія та взаємодія з іншими мовами регіону — не спричинили втрати самобутності болгарських переселенських говірок. Підсумовуючи роль історичних та соціокультурних чинників, що сприяли збереженню болгар-переселенців як окремого етносу з актуалізованою етнічною самосвідомістю й історичною пам'яттю, науковці відзначають передусім переважну моноетнічність поселень, наявність зв'язків між болгарськими селами, збереження мови, фольклору, багатьох важливих рис традиційної духовної і матеріальної культури [17, с. 24]. Провідне місце серед чинників збереження етнічної цілісності, безумовно, належить мові.